

С. Р. Повалишникова, О. В. Захарова

**Быт немецких военнопленных на территории Российской империи
в годы Первой мировой войны
(по материалам источников личного происхождения) ***

Основной массив современных отечественных исследований направлен на изучение положения русских военнопленных в годы Первой мировой войны. В настоящей статье сделана попытка проанализировать бытовые условия содержания военнопленных, находившихся на территории Российской империи. Эти условия во многом зависели от звания и национальности пленных. В статье делается акцент на источники личного происхождения. Особое внимание уделяется воспоминаниям немецкого генерала Э. Людендорфа, немецкого журналиста А. Курта и находившегося в Восточной Сибири немецкого военнопленного Э. Двингера.

Первая мировая война; военнопленные на территории Российской империи; статус; условия содержания; быт

Прошедший XX век с его войнами и вооруженными конфликтами стал веком идеологий, веком необыкновенного развития и распространения средств массовой информации, а также технологий влияния на сознание и подсознание людей. Судьба военнопленных Первой мировой войны — важная научная проблема, от исследования которой зависит правильное понимание дальнейших исторических событий как в России, так и в странах Центральной Европы. Необходимо отметить, что большинство историков, занимавшихся вопросами военного плена, не изучали процессы, происходившие в среде военнопленных, находившихся в России во время Первой мировой войны. Основной массив современных отечественных исследований направлен на изучение положения русских военнопленных в годы войны с Германией. Исходя из этого изучение бытовых условий содержания военнопленных на территории Российской империи, отношение к ним местного населения продолжает оставаться актуальным и в настоящее время. Для этого необходимо сформировать представление о статусе военнопленного, исследовать условия его содержания в зависимости от звания и национальности. В статье мы делаем акцент не на официальные данные, а на источники личного происхождения. Особое внимание уделяется воспоминаниям немецкого генерала Эриха Людендорфа, немецкого журналиста Арама Курта и находившегося в Восточной Сибири немецкого военнопленного Э. Двингера. На основании этого мы можем сделать вывод о положении находящихся в основном на территории Сибири немецких военнопленных различных социальных групп, а также об их отношении к плену.

Правовой статус военнопленного определяется IV Гагской конвенцией 1907 года, согласно которой с военнопленными «надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью» [Гагская конвенция о законах...]. Формально статус военнопленного в Российской империи отвечал нормам международного права. Пленным немцам сразу возвращалось всё имущество, кроме военных бумаг и оружия. Оружие по отношению к ним можно было применить только в случае побега или массовых погромов [Журбина, 2008]. Небезупречный подсчет пленных делает невозможным до сих пор установить точное количество заключенных, оказавшихся в лагерях Российской империи. Необходимо отметить, что большое количество иностранных военнопленных являлись представителями разнообразных этнических групп, поэтому название «германские и австрийские пленные» носит довольно условный характер и определяет не

* Повалишникова С. Р., Захарова О. В. Быт немецких военнопленных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам источников личного происхождения) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 67–75. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.007>

© Повалишникова С. Р., Захарова О. В., 2020

национальность пленного, а его принадлежность к одной из вражеских армий. Военные власти России при регистрации пленных фиксировали только их подданство и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных довольно сложно. По данным С. И. Белова, к 1917 году на территории Российской империи находилось более 2 млн военнопленных [2014].

По подсчетам профессора А. И. Степанова, в русском плену находились 1 736 764 военнослужащих австро-венгерской и 159 390 немецкой армий [Степанов, 2002, с. 629–630].

Военнопленные, оказавшиеся на территории Российской империи в результате боевых действий, направлялись в крупные населенные пункты, где содержались во временных лагерях для дальнейшей их транспортировки. Опыт размещения военнопленных в провинции сложился еще в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов [Иванов, 2000, с. 101]. Дислокация военнопленных на протяжении 1914–1915 годов происходила в основном в азиатской части России. Для европейской части страны были характерны малочисленные лагеря и «рабочие команды». Наиболее крупными были концентрационные лагеря на территории Сибири, Урала, в Челябинске, Екатеринбурге, Оренбурге. Помимо этого, значительная их часть была сосредоточена уже в 1914 году в губерниях Центрального промышленного района, которые в тот период можно было назвать глубоким тылом.

В период с 23 по 29 июля 1914 года были изданы циркуляры, предписывающие задерживать в качестве военнопленных всех военнообязанных, запасных и числящихся на военной службе, а также относящихся к призывному возрасту от 18 до 45 лет германских и австро-венгерских подданных с последующей высылкой их из губерний Европейской России. Указ от 28 июля 1914 года «О правилах, которыми Россия будет руководствоваться во время войны 1914 г.» ограничил правоспособность и дееспособность подданных воюющих с Россией держав. Тем не менее арестованным, находившимся в казарме, было разрешено в определенные часы видеться с родственниками. Они могли приносить им еду, теплую одежду, деньги, перед высылкой им разрешалось проститься с семьей. Пленным, которые находились в смиренном доме, можно было приносить пищу только один раз в неделю, видеться и разговаривать с ними не разрешалось, им было запрещено даже писать. С конца 1914 года немцев-рекрутов перестали направлять на Западный фронт, а тех, кто находился там ранее, перебрасывали на Кавказский фронт, причем в строительные и ополченческие бригады, тем самым принижая их социальный и военный статус. С 1915 года репрессии приобрели общегосударственный масштаб за счет принятия так называемых ликвидационных законов против «неприятельских выходцев», в частности принятого 2 февраля 1915 года Закона о распространении на некоторые местности империи действия ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских выходцев узаконений. В результате депортированные после отбытия своего срока заключенные были оставлены на произвол судьбы, без денег и крова. Немецкий генерал Э. Людендорф отмечал, что психология заключенных российских тюрем, а также отношение населения к ним определялись тем фактом, что русский народ веками жил в условиях принуждения и самодержавия [Людендорф, 2007, с. 15]. Десятки заключенных в тюрьмах были вынуждены обходиться одним котелком, камеры кишели клопами, вшами, в них помещали в два, а то и в три раза больше осужденных, чем позволяли размеры. Женщины и мужчины были отданы под власть мужской охраны, что приводило к насилию.

Русское население доброжелательно относилось к пленным, чем вызывало настороженность властей. Например, в Судогде девушки ухаживали за пленными офицерами, и каждый вечер появлялись в их обществе [Костоправов, 2016, с. 79]. Чтобы избежать порицания, девушки стали на прогулку переодеваться в мужскую одежду. Во Владимирском архиве встречаются циркуляры губернатора за 1915 год о запрете общения между населением и пленными из-за опасения, что близость с военнопленными может создать опасность заражения эпидемическими болезнями, поскольку такие случаи, например с сыпным тифом, уже имели место. Кроме того, как писал владимирский губернатор, «пленные враги не заслуживают тех добрых чувств, которые составляют яркую черту русского народа» [Циркуляр губернатора ...].

У русского человека были варианты побега — в Сибирь, на Дон, в разбойники и т. д., которых в Европе давно уже быть не могло. Немцы знали, что по законам войны ни один пленный не должен быть отправлен в Сибирь. Но, как отмечал один из немецких военнопленных, Россия есть и остается государством произвола [Двингер, 2004]. Немецкий дипломат Г. Хильгер писал, что за несколько месяцев русский народ немцу не понять, в результате и появился стереотип, что тюрьмы — это возведение в закон людских недостатков, а их заключенные — жертвы несправедливости. Мученичество было одной из черт менталитета

русского народа, и поэтому священник Русской православной церкви добавлял в свои молитвы «всех заключенных, томящихся в тюрьмах» [Хильгер, Мейер, 2008, с. 29–30].

Положение пленных в лагерях определялось их званием и национальной принадлежностью. Национальность пленного имела большое значение, от этого зависели льготы и привилегии. В германской и австро-венгерской армиях служили представители славянских народов — чехи, поляки, словаки, а также представители национальных меньшинств, например итальянцы и румыны, чья историческая родина воевала на стороне Антанты. В Российской империи военнопленным славянам был положен ряд послаблений и привилегий и размещались они отдельно от немцев и венгров, а также отправлялись на отдельные виды работ. Таким способом планировалось устранить унижение пленными-славянами пленными-немцами [Калякина, 2014, с. 61]. Каждому пленному выдавали голубой паспорт, согласно которому русские не могли давать им еду, квартиру или работу без разрешения полиции, им запрещалось также выезжать из города [Арам, 2014, с. 99]. Рядовой состав питался так же, как и русские солдаты, однако с конца 1914 года пленным пришлось удовлетворяться супом на воде из кожуры лука, заплесневелым хлебом и 50 г мяса в день, а поскольку столовые были не во всех лагерях, то пищу приходилось принимать непосредственно на нарах, что дополнительно загрязняло помещение. Спали пленные офицеры на деревянных топчанах одетые. Отсутствие одеял вызывало многочисленные жалобы. Однако власти в ответ говорили, что русские солдаты укрываются не одеялом, а шинелью, так почему же у пленных должны быть условия лучше, чем в армии? Пленным полагалось сменное белье, а помещение, в котором они находились, два раза в день должно было проветриваться и отапливаться. Для пленных определялась та же норма пространственного проживания, что была установлена и для нижних чинов русской армии. В соответствии с нормативом пленным полагалось также 1,5 кубической сажени воздуха на человека [Калякина, 2014, с. 102]. На время проветривания пленных выводили на прогулку, которая продолжалась 2 часа до обеда и 2 часа после. В дальнейшем время пребывания на свежем воздухе было увеличено с 8 часов утра до 6 часов вечера. Кроме того, военнопленным предписывалось содержать в чистоте занимаемые ими помещения, проветривать верхнюю одежду и обязательно посещать баню 2 раза в месяц. Запрещалось курить в камерах и коридоре, сушить белье в камерах, пить сырую воду.

Российские власти обязаны были следить, чтобы пленные офицеры были обеспечены одеждой и обувью в соответствии с сезоном, направлялись на работы только после медицинского осмотра, чтобы к ним не применялись никакие телесные наказания и чтобы охрана всегда относилась к ним уважительно. Белье пленным немецким офицерам должны были стирать их слуги [Двингер, 2004]. На четырех офицеров разрешалось иметь одного денщика. Общим для всех категорий пленных был запрет на ведение частной переписки и бесед с местными жителями, покупку у них продуктов, ношение гражданской одежды, чтение прессы. Популярной забавой в лагерях было определение национальности, возраста и характера человека по нижней части его ноги [Двингер, 2004]. Часто в лагерях можно было увидеть музыкальные инструменты, которые из Европы выписывали в основном пленные офицеры, или же мастерили сами пленные. Поскольку многие среди узников были профессиональными музыкантами, певцами и композиторами, то в некоторых лагерях создавались целые симфонические оркестры, а концертные залы устраивали в свободном бараке [Царева, 2014]. Офицеры в сопровождении караульных могли посещать библиотеки, спортивные игры, различные кружки, бани [Белов, 2014]. Нередко офицеры вызывали к себе местных «жриц любви». Среди рядовых пленных, которые не могли себе позволить такие «развлечения», часто развивались гомосексуальные связи, которые даже не пытались скрывать. Эдвин Двингер в своем дневнике писал, что многие из его друзей стали гомосексуалами по причине отсутствия женской ласки, а некоторые шли на это из-за куска хлеба.

С 1916 года для военнопленных был установлен обязательный воскресный отдых. Они могли свободно посещать церкви и отправлять религиозные культы. В местах, где не было католических и протестантских церквей, пленные иного исповедания обращались со своими просьбами в православные храмы.

В случае заболевания военнопленных обычно направляли в земские больницы или госпитали. Медицинский персонал, русские сестры милосердия проявляли к ним заботу и внимание, пленные в свою очередь относились к ним с благодарностью. Бывали, конечно, и исключения. Например, когда русские сестры милосердия и врачи пытались помочь раненым немцам, то последние плевали им в лицо, дрались и кусались. Некоторые санитары, писал в своих дневниках Э. Двингер, издевались над немцами, плевали в них, обращались к ним со словами: «Это вам за Брест-Литовск, гунны!» [2004, с. 278]. Сестры милосердия, отмечает Двингер, говорили раненым, чтобы они не думали плохо о России и аргументировали это тем, что русские

люди не злые, но ленивые и отсталые, признавались, как им тяжело, что за всем следят, доносят о любом проявлении дружелюбия, человечности, а это грозило ссылкой в Сибирь или лишением всего имущества [Двингер, 2004]. Довольно часто у раненых немецких военнопленных ухудшалось состояние здоровья в результате неправильного лечения. Примерно половина всех раненых лишалась конечностей без видимых на то причин. Немецкие врачи считали, что их не допускали к своим соотечественникам по той причине, что среди пленных по сравнению с русскими оказалось бы очень мало калек и умерших. Немцы вспоминали, какие на родине были аппараты, как атрофированные мышцы лечили электричеством, втирали укрепляющие мази, в России же ничего этого не было, кроме костылей из бамбука и клеенчатых подушек. Число заболеваний в одном лагере могло достигать 50 % и более. В таких случаях здоровыми считались те, у кого были только дизентерия, воспаление почек, туберкулез и брюшной тиф, — в общем все, у кого не сыпной тиф или черная оспа. Неизлечимо больных причисляли к категории инвалидов и направляли на сборный пункт в Москву, где их обменивали на русских военнопленных. На похороны каждого военнопленного выделялась довольно большая для того времени сумма — 6 руб. 51 коп. [Бабаков, 2016, с. 99].

Положение военнопленных могло зависеть от того, как относились к русским пленным в Германии и Австро-Венгрии [Тарасов, 2014]. На военнопленных, трудившихся на промышленных предприятиях, не распространялись правила о страховании на случай болезни и от травм вследствие несчастных случаев. В некоторых губерниях пленные активно скупали старинные русские предметы искусства, пользуясь незнанием местного населения их ценности. Случалось даже, что пленные накапливали большие денежные средства [Пыльник, 2013, с. 189]. Наделенные востребованными профессиями, они работали слесарями, шоферами, электриками, фармацевтами и т. п. Привлечение военнопленных к разнообразным занятиям должно было сделать их труд «заметным для общества, и тем самым в какой-то мере удовлетворить его стремление к справедливому возмездию за те страдания, которые испытывали русские воины в германском плену» [URL : <http://safe-rgs.ru/3843-trud-voennoplennyhe-v-tobolskoy-gubernii.html>]. Работодатель оплачивал все расходы по доставке, содержанию и охране военнопленных. Продолжительность рабочего дня и заработная плата определялись согласно принятым на данном предприятии и в данной местности нормам [Белова, 2007]. Офицеры также получали от государства денежное содержание, соответствовавшее их чину: обер-офицеры — 600 руб./год, штаб-офицеры — 900 руб./год, генералы — 1500 руб./год [Тарасов, 2014]. Одна треть заработной платы отчислялась на личный счет военнопленного, остальная расходовалась на покрытие затрат, связанных с его содержанием. На руки военнопленному разрешалось выдавать не более 20 копеек в день. В декабре 1916 года Генеральному штабу стало известно, что германские власти удерживают 35 % из денежных сумм, предназначенных для русских военнопленных. Поэтому были предприняты ответные меры по удержанию 35 % всех денег, присылаемых военнопленным германской армии. До марта 1915 года военнопленные вознаграждение за труд не получали, в связи с этим производительность их труда была более низкой. Однако после заключения соглашения с Германией все удержанные средства были возвращены пленным. Труд военнопленных широко использовался при строительстве дорог, проведении ирригационных работ, восстановлении объектов, имеющих широкое общественное значение. На бесплатные работы военнопленных назначали партиями не менее ста человек [Валитов, 2014].

Отношение к ним как к законным защитникам своего отечества стало основываться на принципах человеколюбия. Земским учреждениям и городским общественным управлениям необходимо было обеспечивать их одеждой, обувью и бельем. Располагаться должны были пленные в бараках. При отсутствии барачных помещений могли селиться в частных домах. Питаться во время работы военнопленные (нижние чины) должны были из общего котла на одинаковом положении с нижними чинами русской армии. Политика отделения славян от венгров и немцев при разных работах сохранялась. Преимущество при найме на работу отдавалось пленным славянам всех национальностей и народностей, а также румынам и итальянцам [Валитов, 2014]. В каждую партию работающих назначался один офицер из пленных славян, который выполнял надзорные функции. Многие города отказывались использовать труд военнопленных только потому, что у них не было подходящих для этого работ. Кроме того, было опасение, что труд военнопленных создаст конкуренцию местным рабочим. Выяснялось также, что заводы и фабрики не могут воспользоваться трудом пленных, так как вынуждены сократить производство из-за отсутствия сырья.

Немецкие военнопленные часто отказывались работать, пренебрежительно относились к населению, смеялись над крестьянами, держали их в постоянном напряжении возможностью

подачи жалоб в земскую управу. Земская управа часто становилась на сторону пленных, чтобы не допустить возможности возникновения дипломатических конфликтов [Пылькин, 2013, с. 189]. В деревнях пленные были тяжелым бременем для всей волости. Они не хотели работать, но и не хотели есть ту пищу, которой питался русский крестьянин, требовали масла, яиц, мяса, то есть то, что наши крестьяне в условиях войны видели на своих столах только по большим праздникам. Тем не менее многие русские крестьяне тепло и с уважением относились к германским военнопленным [Журбина, 2008]. В силу ограниченного кругозора и низкого уровня грамотности, представитель другого народа, иной национальности воспринимался ими как нечто диковинное и вызывал одновременно чувство страха, любопытство и уважение. Настоящее культурное потрясение крестьяне испытывали при виде нательного креста у немцев, простодушно считавшихся басурманами и иноверцами. Среди пленных германских солдат было огромное количество представителей крестьянского сословия, имевших общие с русскими пленными проблемы у себя на родине. Этот фактор объединял представителей обеих наций и содействовал росту доверия и сочувствия между ними, что положительно влияло на условия содержания пленных в крестьянских хозяйствах. С этнокультурной точки зрения большой интерес представляет также восприятие немцами русских людей. Очень многое в России было для них непонятным, необъяснимым и даже противоречивым. Один из них писал: «В этой стране ничего не поймешь. Один — дьявол во плоти, другой — чистый ангел» [Двингер, 2004, с. 113].

Со второй половины 1915 года за отказ работать стали наказывать арестом от трех до семи суток, а в отношении военнопленных германской армии из Эльзаса и Лотарингии проводилась пропаганда с целью привлечь их на свою сторону для участия в военных действиях. В целом нахождение вдали от семей и работа в крестьянских хозяйствах, оставшихся без мужчин, способствовали сближению солдат и офицеров центральных держав с русскими женщинами, что отмечается в воспоминаниях пленных.

Мягкий режим содержания и отсутствие соответствующей охраны при увеличении числа пленных на работах в европейской части России приводили к увеличению числа побегов. По мнению В. А. Пылькина, в Рязанской губернии пленные воспринимались более как желанные гости и покровители России, а не как пленные враги [2013, с. 189]. В одном из городов Российской империи немцы в центре города во время всенощного богослужения затеяли футбольный матч и приставали на улицах к женщинам с недвусмысленными предложениями.

Таким образом, при исследовании положения немецких военнопленных на территории Российской империи необходимо учитывать близость к фронту, настроение местного населения, а также отношение к ним властей. Положение военнопленных отличалось в зависимости от того, к какой категории они принадлежали. Рядовые и нижние чины испытывали большие материальные трудности, хотя уровень их благосостояния отвечал условиям, в которых находились местные жители и солдаты русской армии. Недовольные условиями содержания, рядовые пленные нередко в качестве протеста отказывались от работы. Представители властей принимали в ответ карательные меры, однако на изменение ситуации в лучшую сторону такая практика никак не влияла. Случались побеги, за которые пленного помещали на 30 дней в карцер [Тарасов, 2014]. Условия жизни и быта офицеров были более чем благоприятны, причем они никак не были ухудшены русскими властями даже при многократном и осознанном нарушении правил военнопленными. К сожалению, точное количество иностранных военнопленных установить невозможно, в связи с тем что учетом военнопленных занимались различные организации, применяя разные методики учета. На военнопленных сказывалось плохое продовольственное обеспечение и медицинское обслуживание. Установленные в международно-правовых и российских правовых документах нормы питания практически не соблюдались. Нередко, как признавались сами военнопленные, пищу они признавали неплохой, но их желудки не могли ее переварить. В условиях войны высшие и местные власти, как и в других странах, вынуждены были идти на нарушение принципов Гаагских конвенций в вопросах продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания, условий содержания и применения труда военнопленных в народном хозяйстве.

Наиболее массово труд военнопленных применяли на промышленных предприятиях. Однако значительная часть пленных привлекалась в качестве низкоквалифицированной рабочей силы. Несовершенство статистического учета не позволяет говорить о том, сколько именно пленных было занято на производстве, а сколько на подсобных и черных работах. Не удалось выявить полных сведений и о том, насколько полезным был труд военнопленных. В отчетах об

использовании их труда на городских работах встречаются оценки «удовлетворительно» или «неудовлетворительно», но они не позволяют составить общей картины.

Упадок режима военного плена шел одновременно с падением дисциплины в армии, ростом широкого недовольства затяжной войной, кризисом верховной власти — приближался февраль 1917 года. Во время революции многие немецкие заключенные, воспользовались сложившейся обстановкой в России и законно или тайно оставляли места своего плена и уезжали в западном направлении, чтобы оказаться поближе к дому, на случай если закончится война. С помощью шведских консульских чиновников в январе 1918 года в Москве для защиты немецких заключенных были открыты первые дома для военнопленных [Людендорф, 2007, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арам К. В Сибирь со ста тысячами немцев: четыре месяца в плену у русских : машинопись : пер. с нем. — Б.м. : Б.и., ориентировочно 1914–1915. — 135 с.
2. Бабаков А. В. Военнопленные в г. Суздале в годы Первой мировой войны // Владимирский край в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : материалы XX Межрегион. краевед. конф. — Владимир, 2016. — С. 95–102.
3. Бабаков А. В. Суздаль и Суздальский уезд в годы Первой мировой войны // Материалы исследований. Науч.-практ. конф. / сост. М. Е. Родина. — Вып. 19. — Владимир : Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2013. — С. 40–51.
4. Белов С. И. Положение немецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны (на материалах архивов Верхнего Поволжья) // [Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Серия : История и политология.](#) — 2014. — №. 4 — С. 16–20.
5. Белова И. Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. — 2007. — № 12. — С. 42–45.
6. Валитов А. А. Труд военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Известия высших учебных заведений. Серия : Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 5, № 3. — С. 189–192.
7. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года. — URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1278849> (дата обращения: 31.10.2019).
8. Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. — М. : Центрполиграф, 2004. — 350 с.
9. Журбина Н. Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны // [Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация.](#) — 2008. — № 2. — С. 229–235.
10. Закон о распространении на некоторые местности Империи действия ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских выходцев узаконений (ст. 207) // РГИА. — Ф. 1276. — Оп. 20. — Д. 125. — Л. 95–99. — URL : <https://geschichte.rusdeutsch.ru/18/30/300> (дата обращения: 31.10.2019).
11. Иванов Ю. А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. — 2000. — № 2. — С. 100–104.
12. Калякина А. В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). — М. : Кучково поле, 2014. — 304 с.
13. Костоправов Р. О. Германские и австрийские подданные на Гусевском хрустальном заводе в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Материалы исследований. Науч.-практ. конф. — 2016. — Вып. 21. — С. 53–59.
14. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полковника. 1914–1918. — М. : Центрполиграф, 2007 — 440 с.
15. Пылькин В. А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы Мировой войны и революции. — М. : Горячая линия — Телеком, 2013. — 236 с.
16. Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века : сб. : в 4 кн. — М. : Наука, 2002. — Кн. 1 : Первая мировая война. Исторический очерк. — С. 624–643.
17. Тарасов А. В. Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 2. — С. 42–47.
18. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? — М. : Центрполиграф, 2008. — 416 с.
19. Царёва Е. С. Участие военнопленных Первой мировой войны в музыкальной жизни Красноярска // Идеи и идеалы. — 2014. — № 3. — С. 31–37.
20. Циркуляр губернатора полицмейстерам и уездным исправникам о запрете общения населения с пленными и передачи им пожертвований // Государственный архив Владимирской области. — Ф. 989. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 61–61 об.

Повалишникова София Романовна — учитель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 38» (г. Владимир).

Сфера научных интересов: роль личности в истории (Николай II), история Первой мировой войны, история повседневности.

Контактная информация: электронный адрес: 444774448@mail.ru

Захарова Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории педагогического института Владимирского государственного университета имени А. Г и Н. Г. Столетовых.

Сфера научных интересов: история британского парламентаризма в XX веке, британская имперская политика в доминионах.

Контактная информация: электронный адрес: zaharova33@yandex.ru

S. R. Povalishnikova, O. V. Zakharova

Everyday Life of German Prisoners of War in the Russian Empire during World War I (on the basis of personal documents) *

The vast majority of modern Russian research is aimed at the investigation of the position of Russian prisoners of war during World War I. The present article attempts to analyze the conditions of everyday life of German prisoners of war who lived in the Russian Empire during World War I. The conditions largely depended on the rank and nationality of prisoners of war. The article analyzes personal documents. It focuses on memoirs written by E. Ludensdorff (German general), A. Kurt (German journalist), who lived in Eastern Siberia, and E. Dwinger (German prisoner of war).

World War I; prisoners of war in the Russian Empire; status; conditions of life, everyday life

REFERENCES

1. Aram K. V *Sibir' so sta tysjachami nemcev: chetyre mesjaca v plenu u russkih* [Siberia and a Hundred Thousand Germans: Four Months in Russian Captivity]. 1914–1915, 135 p. (Transl. from German).
2. Babakov A. V. Prisoner of War in Suzdal during World War I. *Vladimirskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945): materialy XX Mezhhregionalnoj krajevedcheskoj konferencii* [Vladimir Region during World War II (1941–1945): Proceedings of the 20th International Regional-Studies Conference]. Vladimir, 2016, pp. 95–102. (In Russian).
3. Babakov A. V. Suzdal and Suzdal Uezd during World War I. *Materialy issledovanij. Nauchno-practicheskaya konferncija* [Proceedings of a Research Conference]. Rodina M.E.(comp)., Vladimir, Vladimir-Suzdal State Museum-Preserve Publ., 2013, iss. 19, pp. 40–51. (In Russian).
4. Belov S. I. The Position of German Prisoners of War in Russia during Word War I (based on the materials of the Archive of the Upper Volga Region). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholohova. Serija : Istorija i politologija* [Bulletin of Moscow State Humanitarian University named for M. A. Sholokhov. History and Political Studies series]. 2014, no. 4, pp. 16–20. (In Russian).
5. Belova I. B. Prisoners of War in the Kaluga Region and the Orel Region during World War I. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 2007, no. 12, pp. 42–45. (In Russian).
6. Valitov A. A. War Prisoners' Labor during World War I in the Tobolsk Province. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija : Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutions. Humanities series]. 2014, vol. 5, no. 3, pp. 189–192. (In Russian).
7. *Gaagskaja konvencija o zakonah i obyčajah suhoputnoj vojny 1907 goda* [Hague Convention Respecting the Laws and Customs of War on Land (1907)]. Available at : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1278849> (accessed: 31.10.2019). (In Russian).
8. Dvinger Je. *Armija za koljučej provolokoj. Dnevnik nemeckogo voen-noplennogo v Rossii 1915–1918 godov* [An Army behind the Bars. A Diary of a German Prisoner of War in Russia in 1915–1918]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2004, 350 p. (In Russian).

* Povalishnikova S. R., Zakharova O. V. Everyday Life of German Prisoners of War in the Russian Empire during World War I (on the basis of personal documents). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 67–75. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.007>

9. Zhurbina N. E. German Prisoners of War in Russia during World War I. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : lingvis-tika i mezhkul'turnaja komunikacija* [Bulletin of Voronezh State University. Linguistic and Intercultural Communication series]. 2008, no. 2, pp. 229–235. (In Russian).
10. The Law Stipulating that Some Lands of the Empire are Subject to Legal Limitations Related to Land Owning and Land Management by Aliens. *Rossij-skij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1276, Op. 20, D. 125, L. 95–99. Available at : <https://geschichte.rusdeutsch.ru/18/30/300> (accessed: 31.10.2019). (In Russian).
11. Ivanov Ju. A. Prisoners of War in Russian Provinces during World War I. *Otechestvennye arhivy* [Russian Archives]. 2000, no. 2, pp. 100–104. (In Russian).
12. Kaljakina A. V. *Pod ohranoj russkogo velikodushija. Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922)* [Protected by Russian Generosity. Prisoners of War during World War I in the Saratov Region (1914–1922)]. Moscow, Kuchkovo Field Publ., 2014, 304 p. (In Russian).
13. Kostopravov R. O. German and Austrian Subjects at the Gus-Khrustalny Plant during World War I (1914–1918). *Materialy issledovanij. Nauchno-practičeskaja konferncija* [Proceedings of a Research Conference]. 2016, iss. 21, pp. 53–59. (In Russian).
14. Ljudendorf Je. *Moi vospominanija o vojne. Pervaja mirovaja vojna v zapiskah germanskogo polkovodca. 1914–1918* [My Reminiscences about War. World War I through Memoirs of a German General. 1914–1918]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2007, 440 p. (In Russian).
15. Pyl'kin V. A. *Voennoplennye Avstro-Vengrii, Germanii i Osmanskij imperii na Rjazanskoj zemle v gody Mirovoj vojny i revoljucii* [Austro-Hungarian, German and Turkish Prisoners of War in the Ryazan Region during World War I and the Revolution]. Moscow, Hotline Publ., Telecom Publ., 2013, 236 p. (In Russian).
16. Stepanov A. I. The Price of War: Victims and Losses. *Mirovye vojny HH veka: v 4 knigah* [World Wars of the 20th Century: in 4 books]. Moscow, Science Publ., 2002, book 1: World War I. A Historical Essay, pp. 624–643. (In Russian).
17. Tarasov A. V. Prisoners of War in the Perm Province during World War I. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanitarian University]. 2014, no. 2, pp. 42–47. (In Russian).
18. Hil'ger G., Mejer A. *Rossija i Germanija. Sojuzniki ili vragi?* [Russia and Germany. Allies or Adversaries?]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2008, 416 p. (In Russian).
19. Carjova E. S. The Participation of Prisoners of War in Music Events of Krasnojarsk during World War I. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2014, no. 3, pp. 31–37. (In Russian).
20. The Governor Circular to Police Chiefs and District Police Officers Prohibiting People to Communicate with Prisoners of War and to Contribute Food and Clothing for their Relief. *Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti* [State Archive of the Vladimir Region]. F. 989, Op. 3, D. 2, L. 61–61. (In Russian).

Information about the authors

Povalishnikova Sofia Romanovna — history and social studies teacher at secondary school no. 38 (Vladimir).

Research interests: the role of personality in history (Nicolas II), history of World War I, history of everyday life.

Contact information: e-mail: 444774448@mail.ru

Zakharova Olga Vladimirovna — Candidate of History, Associate Professor in the Department of General History at the Pedagogical Institute of Vladimir State University named for A. G. and N. G. Stoletovs.

Research interests: history of British parliamentarism, British imperial policy in dominions.

Contact information: e-mail: zaharova33@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.04.2020

Received 27.04.2020